

ВЛАДИМИР ШКОДА

ОПРОЩЕНИЕ

Меня иногда встречают на улице незнакомые люди и спрашивают, по какой такой причине самоустранился я от воспитания народа через газету «День»? Они еще помнят меня по фотографии, где физиономия вышла по случайности философская. Отвечаю я так: пытаюсь, знаете ли, опроститься. Отойти от сложностей жизни. Уединяюсь в деревне, топлю буржуйку, и размышляю. Иначе говоря, спасаюсь. Не от милиции, разумеется, а в духовном смысле. И не я один такой. В соседней деревне, где на зиму остается пять жителей, пребывает наш соотечественник, вернувшийся из Бразилии с заработков. Тоже спасается, но дальше продвинулся. Он там безвыездно живет. У него музыкальный центр, два мешка пшеницы на зиму и коза. Никаких особых проблем, а все потому, что читает известного рода книжки.

Прежде чем вплотную заняться опрощением, я изучил вопрос теоретически. А что, собственно, есть простота? И очень был удивлен, обнаружив существенную трансформацию смысла этого слова, происшедшую за последнюю, скажем, сотню лет. Во времена Владимира Даля «простой» означало — порожний, пустой, ничем не занятый. И еще — прямой, открытый. Можно сказать, свободный (к примеру, место на пляже, или на автостоянке). «Свободный» мне особенно понравилось. Как-то на телевидении спросили меня о хобби. Я думал, думал, неприлично долго, и ответил: мое хобби — быть свободным человеком. Им это понравилось и они говорят: а научите нас быть свободными. Тут я стал приводить в пример бомжей. Как мало у них забот в сравнении, скажем, с банкирами. Они смутились, а потом говорили мне о звонках возмущенных телезрителей.

© Владимир Шкода, 2009

Публикуется по изданию: Шкода В. Опрощение // Шкода В. *Articulus*. —

Харьков: Издательство «НТМТ», 2009. — С. 213–218.

Впервые опубликовано в газете «День», №6 (2006).

Так вот, простой, в смысле пустой, — это значение у нас полностью утрачено. А потому никто не понимает всем известного выражения «простота хуже воровства». Опросил нескольких коллег, усложнивших свою жизнь высшими учеными степенями, — ни один не понимает. Но каждый, заметьте, предлагал свой вариант, не решался вот так по-простому сказать — не знаю. Смысл же этой поговорки становится вполне ясным, если принять, что простота здесь — недостаток или даже отсутствие ума, позитивной хитрости. Выходит, что глупый, пустой человек сам себе навредит больше, нежели навредит ему вор. Стало быть, простой, значит — недалекий, глупый? Увы, именно с глупостью увязывалась в те времена характеристика «простой человек». Тогда говорили: «простотой на свете не проживешь», то есть прямоотой или доверчивостью. Впрочем, не все так просто. У Паскаля в «Мыслях» есть рассуждение, как бы совет умному человеку, который хочет придти к вере, но не знает пути. Что ему делать? Вот что — вести себя так, как если бы он уже был верующий: посещать богослужение, пользоваться святой водой и т. п. И далее замечательная фраза: «без сомнения, это заставит вас поглупеть и приведет к вере». Разумеется, это похвала, но не глупости в обычном понимании, а простоте сердца — главной христианской ценности. Приведу слова Иисуса Христа, сказанные апостолам: «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак, будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Матв. 10, 16). Думаю, образ голубя в разъяснении не нуждается. Да что там поговорки. Не ясно даже, без прежнего смысла, что, в сущности, означает слово «простить». А означает оно одно — освободить от вины, долга, греха, опорожнить, так сказать, душу от тяжкого груза. И теперь, кстати, понятно, откуда «простор» и «пространство».

Простота очевидно коррелирует с чистотой. Здесь то же (в одном из значений) — «ничем не заполненный, свободный от чего-либо». В библейском смысле чистота есть святость. Не случайно эти категории сведены в поговорке «простота да чистота — половина спасения».

Мечта о простой жизни укоренена в европейскую культуру. Можно говорить о принципе простоты в очень широком философском смысле. Как стремлении освободиться от лишнего, очиститься. Возможно, существуют некие циклы, когда нарастание излишеств и сложности приводит к решительному сбросу. Простите, но на ум приходит «европохудение». К чему-то подобному периодически зывали мудрецы в идейном оппонировании дельцам. Возьмем, к примеру, Афины времен Платона. В «Государстве» Сократ мысленно конструирует совершенное общество. И что сразу предлагает? Образ «здорового государ-

ства». Это когда люди «будут производить хлеб, вино, одежду, обувь, будут строить дома... Возлежа на подстилках, усеянных листьями тиса и мирта, они будут пировать, и сами, и их дети, попивая вино, будут украшать себя венками и воспевать богов, радостно общаясь друг с другом; при этом, остерегаясь бедности и войны, они будут иметь детей не свыше того, чем позволяет им их состояние». Хлеб и вино — не правда ли, это что-то напоминает. И везде простота... Собеседников Сократа такая перспектива не устраивает, им хочется жизни, насыщенной разнообразием, сложностью, отягощенной излишествами. Им хочется «общества, которое лихорадит» (Сократ), того реального общества, в котором они живут. Эта оппозиция — простота, чистота, свобода, беззаботность как идеал, и, с другой стороны, захламленность, грязь, рабство, озабоченность как реальность, разумеется, вечна.

Сложность жизни проистекает от скученности людей. А где скученность, там и хитрость. Ибо без хитрости не получишь того, чего хочешь, ибо многие хотят того же. Отсюда же, из скученности, масса правил. От уголовных законов до правил приличия и хорошего тона. Если речь о последних, то главное правило — не говорить того, что не надо. Как вы понимаете, читатель, тема обширнейшая, а для таких обществ, как наше, до сих пор актуальная. Ведь десятки лет самое серьезное государственное ведомство очень интересовалось людьми, которые говорят что не надо. Рассказывают такой случай. Выходит однажды утром женщина на коммунальную кухню и рассказывает соседкам сон. Будто бы она находилась в близости со всенародно любимым маршалом. Вскоре за ней пришли, а потом и судили, с формулировкой в приговоре — «за неэтичные сны о вождях». Вот, кто-то и меня упрекнет за неэтичное воспоминание, но сегодня у нас свобода слова.

И тут вопрос: не сказала ли работа этого государственного ведомства на ментальности нашего народа, не усложняется ли наша жизнь, по сей день, и от того еще, что мы везде стараемся говорить что надо. Кажется, всем уже ясно, что можно говорить и что не надо, нет же, по инерции, в массе своей, говорим что надо, так старой жизнью приучены. Не потому ли прямота, искренность, откровенность — редкие качества? Вообще иные считают, что хорошо прожил тот, кто хорошо спрятался. Не в смысле физического уединения, а огородив себя забором условностей, спрятавшись за воспитанием. Общаясь с человеком, в совершенстве овладевшим правилами хорошего тона, чувствуешь, что говоришь с самой Культурой. А не вот с этим живым, предстоящим только тебе и никому иному. Это как с методом или

машиной. И то, и другое воплощает социальность, универсальность, общечеловечность. С другой стороны, творческая личная находка воспринимается как искренность. Что-то подобное ощущаешь в са- модельной вещи, может, ожидаешь почувствовать тепло рук.

Любопытно, что на близкую тему размышлял И. Кант в своей самой сложной и самой скучной книге — «Критика чистого разума». Человек склонен скрывать свои настоящие чувства и выставлять напоказ другие, считающиеся благородными и похвальными, он склонен также «высказывать убеждения, которых в действительности нет». Эта порочность, коренящаяся в самой природе человека, содержит, однако, задатки к добрым целям. Поступая так, человек обучается правилам приличия и хорошего тона. И потому сохраняется устойчивость социального целого, комфортность жизни. Все как будто бы прекрасно, но посмотрите, чем заканчивает наш мыслитель свое рассуждение. Когда человек усвоит манеры добра и поймет, что к чему в действительной жизни, «эта лживость должна быть постепенно искоренена, потому что иначе она развращает душу и не дает добрым чувствам подняться из-под сорной травы красивой внешности».

По сути, Кант призывает ради спасения души постепенно искоренять в общении пустую символику, что он называет попросту «лживостью». Но, впрочем, не указывает, как это делать. Я сам, как, видимо, каждый нормальный человек, всегда понимал, что правила приличия допускают известную долю неискренности. Порой приходится изображать чувства, которых нет — скорбь, соболезнование, радость, удивление, проникновенное вслушивание в речь начальства и т. п. Но это обычно считается неизбежными издержками культуры. Представьте, что все мы, следуя совету Канта, станем просты — непосредственны и откровенны. В перспективе такое опрощение, несомненно, даст свои ценные плоды. Но надо предвидеть опасности, как говорят, переходного периода. Красивая внешность должна быть искоренена постепенно, и, главное, всем миром. Вот именно этого-то я и не учел...

Теперь понятно, читатель, почему я здесь? В старой деревенской хате, рядом с подвывающей буржуйкой и котом Митей. А жене велено говорить звонящим: в деревне он, спасается. Она еще спросила: «А как говорить: от жены, что ли, спасается?» — От сложностей жизни...

А здесь хорошо. Главное, что в общении с Богом и природой нет нужды прибегать к лживости.